

КРАСНЫМ

ГЕНЕРАЛ

ИМПЕРИИ

— КНИГА —

3

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

ВЛАДИВОСТОК

КОРЕЯ

САСЭБО

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ
ЗАПИСКИ

Том 3

НОВОЕ ВРЕМЯ
НОВАЯ ИМПЕРИЯ
ЕГО СТРАТЕГИЯ
ИЗМЕНИТ ХОД ИСТОРИИ

ПАВЕЛ СМОЛИН

НА ВОСТОК!

Павел Смолин

Красный генерал Империи 3

«Автор»

2026

Смолин П.

Красный генерал Империи 3 / П. Смолин — «Автор», 2026

Весной девяносто шестого года советский генерал-лейтенант запаса Сергей Михайлович Лопатин засыпает в кресле над книгой о русско-японской войне — и просыпается приамурским генерал-губернатором Николаем Ивановичем Гродековым в Хабаровске второго мая тысяча девятисотого года. В голове — атеист, коммунист, ребёнок войны, потерявший отца под Курском и брата под Витебском. В теле — генерал от инфантерии, востоковед, наказной атаман трёх казачьих войск. Под рукой — округ от Шилки до Камчатки, двадцать четыре батальона стрелков, шесть казачьих полков и пятьдесят восемь дней до того, как с китайского берега Амура на Благовещенск полетят первые снаряды. Его задача — не просто выиграть у японцев пять лет спустя. Задача глубже: к семнадцатому году у него на руках должен быть круг людей, способный дать стране другую революцию. Без расстрелов на Лубянке. Без голода тридцать второго. Без сорок первого, в котором он, мальчик, потерял всё.

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Смолин

Красный генерал Империи 3

Глава 1

Глава 1

Лето пятого, простите, шестого года в Петербурге началось серым петербургским маем, в котором всю первую неделю шёл мелкий дождь, и от Невы тянуло холодом, а потом, к десятому, неожиданно вышло солнце, и за три дня город высох, зазеленел, прогрелся, и старики в своих квартирах открыли окна.

Я в это время уже месяц был в обыкновенном своём петербургском порядке.

Утро у меня начиналось в семь. Артемий приносил в кабинет горячую воду для бритья, потом ставил самовар в столовой. К половине восьмого спускался Северцов с ночной почтой — телеграммы от Селиванова из Хабаровска, письма от Гольдмана из Москвы, иногда от Кречетова, иногда от Витгефта. Мы их прочитывали в столовой за чаем, обычно в полном молчании, делая пометки на полях. К девяти ко мне в кабинет приходил доктор Павлов из Военно-медицинского управления и в течение четверти часа меня смотрел: пульс, дыхание, цвет лица, состояние кожи на руках. Павлов был сухой, невысокий, лет пятидесяти, в чёрном сюртуке, очень похожий на учителя гимназии. Он мне сразу понравился. Кречетов в нём не ошибся.

В девять с четвертью я открывал работу.

Работы у меня в Петербурге было, вопреки моим ожиданиям, не меньше, чем в Хабаровске, а больше. В Хабаровске у меня были один край, одна окружная казна и одна переписка с тремя десятками корреспондентов. В Петербурге у меня были: Витте, который ко мне заходил ежедневно после своих утренних докладов; Куропаткин, который меня вызывал к себе в военное министерство два раза в неделю; государь, который писал мне частные записки через графа Граббе с периодичностью раз в десять дней; Кондратенко, который у меня обедал по средам и приносил думские наблюдения; Гольдман, который мне через Москву пересылал европейские социал-демократические сводки; и ещё с десятков других людей, которые ко мне приходили частным образом по разным мелким и не очень мелким делам.

И ещё одно. У меня в Петербурге появилось то, чего у меня в Хабаровске не было: газеты. Я с приезда подписался на двенадцать русских и три иностранные. «Новое время». «Русские ведомости». «Речь». «Биржевые ведомости». «Гражданин». «Россию». «Сын Отечества». «Слово». «Правительственный вестник». «Санкт-Петербургские ведомости». И ещё две-три средние. Из иностранных я брал «Таймс», «Берлинер Тагеблатт» и «Журналь де Деба». Газеты приходили утром на квартиру Витте, Артемий их раскладывал в моём кабинете на отдельном столе, и я их прочитывал между десятью и одиннадцатью утра, делая пометки красным карандашом.

Это, я в первый же месяц понял, было больше работы, чем я представлял. У меня к одиннадцати утра в голове складывалась картина того, что в России и в Европе говорят люди, имеющие доступ к печати, и эта картина у меня каждый день была другая. В Хабаровске я подобных сведений получал в сильно отжатой форме — через служебные отчёты, через частные письма, через ежемесячные сводки. В Петербурге у меня это было непосредственно. Я слышал шум.

Шум в этот май был — о Думе.

Дума, которая открылась двадцать седьмого апреля, к десятому мая уже успела показать свой характер. Характер у неё был тяжёлый. Кадеты, имевшие в ней крупнейшую фракцию, с первых же заседаний стали требовать «ответственного министерства», то есть правительства, формируемого Думой, а не государем. Это было прямое посягательство на основную форму

государственного устройства, и государь отнёсся к нему с теми чувствами, какие у него обыкновенно вызывались посягательствами на основную форму. У него на лбу появилась морщина, которую я в его лице раньше не замечал.

Витте мне в эти дни приходил с лицом, какое у него бывало, когда у него под ногами начала качаться основная балка. Он был назначен председателем Совета министров на основе того, что Дума будет с ним сотрудничать. Дума сотрудничать не собиралась. Она собиралась его свергнуть и заменить своими людьми.

— Николай Иванович. Они меня в среду требовали в Думу с отчётом. Я к ним пошёл. Они меня заслушали и отказались принять отчёт. Сказали, что я неподотчётен Думе, потому что я не их министр.

— Сергей Юльевич. Это была политическая декларация. Они так в первые заседания обыкновенно ведут себя.

— Я понимаю, что декларация. Я Вам про другое. После заседания ко мне подошёл Милюков и сказал тихо: «Сергей Юльевич, Вы человек уважаемый. Не Вас лично мы не хотим. Мы не хотим Совет министров, формируемый сверху. Если Вы согласитесь возглавить правительство, формируемое снизу, мы Вас как первого министра поддержим. Если Вы откажетесь, нам придётся требовать Вашей отставки». Это была у него прямая просьба.

Я посмотрел на Витте. У него на лице было что-то новое: обычно у него был расчётливый спокойный вид, а сейчас был раздражённый.

— И что Вы ему ответили?

— Я ему ответил, что я подумаю. Я выиграл сутки. Сегодня среда. До пятницы у меня есть сорок восемь часов на размышление.

— Что Вы хотите сделать?

— Я хочу с Вами поговорить.

— Слушаю.

Витте сел в кресло у окна. Долго молчал. Я не торопил.

— Николай Иванович. У меня есть три варианта. Первый: отказать Милюкову и оставаться председателем Совета министров от государя. В этом случае Дума через неделю проводит резолюцию о моей отставке, и государь либо принимает её (тогда Дума получает власть), либо распускает Думу (тогда у нас начинается кризис). Государь, я полагаю, склонится ко второму. Распущенная Дума — это то, чего мы с Вами в феврале старались избежать.

— Второй?

— Согласиться на Милюкова. Принять формирование правительства от Думы. Стать первым в России конституционным премьер-министром. В этом случае я делаю исторический шаг, но я делаю его против государя. Государь меня после этого ко двору не подпустит. Государыня-мать со мной перестанет здороваться. Великий князь Николай Николаевич, который меня и так не любит, начнёт меня травить открыто. И я в этом положении продержусь, может быть, полгода, может быть, год, после чего меня свалят.

— Третий?

Витте долго молчал.

— Третий, Николай Иванович, я Вам скажу с осторожностью. Третий — это я подаю прошение об отставке сейчас, до того, как Дума успеет провести резолюцию. Я ухожу сам, по обстоятельствам здоровья. Государь меня отпускает с почестями. Дума получает мою отставку как победу, но без распускания Думы. Государь назначает на моё место кого-нибудь компромиссного, кого Дума готова принимать, а двор готов терпеть. Например, Коковцова. Или Извольского.

Я подумал.

— Сергей Юльевич. И что Вам сейчас мешает выбрать третий?

— Мне мешает одно. Я не хочу уходить.

Он сказал это тихо, не как государственный человек, а как простой.

Я долго смотрел на него.

— Сергей Юльевич. Я Вам отвечу.

— Слушаю.

— Я Вам отвечу не как Ваш квартирант, а как Ваш товарищ.

— Я Вас слушаю как товарища.

— Я Вам говорю: выбирайте третий. Уходите сейчас. С почестями. С графским титулом, который у Вас уже есть, и который останется при Вас. Вы за полтора года председательства сделали то, что в обычном порядке делается за десять. Вы провели Портсмут. Вы провели Манифест семнадцатого, простите, февральский Манифест о Думе. Вы открыли Думу. Это три исторических шага. Дальше у Вас нет ни одного крупного шага, который Вы могли бы сделать сейчас, не теряя сил. Сейчас сделать шаг — это работать рутинной, в обстановке травли. Это не Ваше. У Вас есть слишком крупная голова для рутины в обстановке травли.

— Я это понимаю, Николай Иванович.

— Я ещё одно скажу. Если Вы уйдёте сейчас, у меня в Государственном совете появится возможность посадить Вас в почётное участие, без обязательств. Я с государем об этом договорюсь. Вы у меня в Государственном совете будете рядом, и я Ваш голос буду слушать в каждом крупном решении. Это для Вас и для меня будет лучше, чем Вы измученный в правительстве.

Витте долго молчал.

— Николай Иванович. Это много.

— Это правда.

— Я завтра подам прошение об отставке.

— Подавайте.

Мы пожали руки. Витте встал. Подошёл к окну. Постоял.

— Николай Иванович. У меня к Вам ещё один вопрос.

— Слушаю.

— Кого Вы посоветуете государю на моё место?

Я подумал.

— Сергей Юльевич. Не Коковцова и не Извольского. Они оба обыкновенные министры, но у них в характере нет той черты, которая нам сейчас нужна. Нам нужен человек, у которого в характере есть упрямство по существу и гибкость по форме. Я бы предложил Столыпина.

Витте поднял брови.

— Столыпина? Это саратовский губернатор?

— Это саратовский губернатор. Я о нём знаю по двум источникам. Один — мой собственный, через моего иркутского корреспондента Кутайсова, который с ним переписывается. Другой — через Куропаткина, который его помнит по дворянской комиссии девятьсот третьего года. Столыпин крупный человек, твёрдый, не безумец, не реакционер. Он у нас в Думе как премьер прижмёт радикальных кадетов и не разгонит самой Думы. Это редкое сочетание.

— Я с ним не знаком.

— Я с ним тоже не знаком. Я предлагаю государю познакомиться.

Витте долго смотрел на меня.

— Николай Иванович. Хорошо. Я завтра в прошении укажу Столыпина в качестве рекомендации.

— Указывайте.

В тот же вечер я Сосо ещё не знал.

Я о нём знал только из той фразы Ленина, которую я Ленину ещё не сказал, потому что я с Лениным ещё не виделся. Встреча наша была назначена через Гольдмана на середину сентября в Куоккале. Это было через четыре месяца. До этого Сосо для меня был закавказским именем в

моей записной книжке: «Иосиф Виссарионович Джугашвили, партийная кличка Коба, бывший семинарист, грузин, двадцать восемь лет, у большевиков». И всё.

Это был тот короткий период, когда у меня в круге его ещё не было, но я уже двигался в его сторону. Я об этом не думал. У меня в Петербурге шло полно других дел.

Витте подал прошение об отставке двенадцатого мая.

Государь принял его пятнадцатого. Меня в Царское Село вызвали шестнадцатого утром.

Я приехал в Александровский дворец в форме статского. В малом кабинете меня ждал государь, и с ним был Куропаткин.

Государь меня встретил у двери. Подал руку.

— Николай Иванович. Я Вас сегодня вызвал по делу о Витте.

— Слушаю, Государь.

— Витте подал прошение об отставке. Я склоняюсь его принять. Но я не знаю, кого ставить на его место. У меня нет своего кандидата. Витте мне рекомендовал Столыпина с Вашей подачи. Я к этому имени отношусь настороженно. Я бы хотел Ваш совет.

— Слушаю.

— У меня к Столыпину предубеждение. Я о нём знаю по служебным отчётам. У него в Саратовской губернии в прошлом году были крестьянские волнения, и он их подавил, со строгостью. Я не уверен, что мне сейчас нужен председатель, у которого в правом крыле репутация подавителя.

Я подумал.

— Государь. Я Вам отвечу со всей прямоотой.

— Слушаю.

— Столыпин в Саратовской губернии в прошлом году подавил волнения. Это правда. У него на это были служебные основания: волнения шли по поджогам помещичьих усадеб, и без решительного вмешательства они переросли бы в крестьянскую войну в одной отдельно взятой губернии. Столыпин их вмешательством остановил. У него в подавлении были жертвы, но их было втрое меньше, чем у соседних губернаторов в подобных же ситуациях. Это говорит о том, что он подавляет умно, без злобы.

— Дальше.

— Дальше. Столыпин не реакционер. У него в Саратове есть собственная программа крестьянской реформы, которую он мне через моего иркутского корреспондента отдельно прислал. Это программа выхода крестьян из общины в личное хозяйство, с банковской поддержкой переселения на свободные земли. Эта программа умеренно либеральная по существу и государственно-консервативная по форме. Я считаю, что она лучшая из тех, что у нас сейчас лежат на столах. Она по существу отвечает на тот же вопрос, на который кадеты в Думе отвечают своей программой принудительного отчуждения земли. Только Столыпин отвечает через рынок, а кадеты через декрет.

— И что это нам даёт?

— Государь. Это нам даёт то, что у нас на премьерском месте появляется человек, у которого есть собственное содержательное предложение по главному вопросу страны. Не «удержать», а «реформировать». Если Столыпин у меня в Думе предложит крестьянскую реформу, у него за неё проголосует половина кадетов, потому что половина кадетов в своей фракции по существу за реформу, а не за принудительное отчуждение. И у него за неё проголосует часть октябристов. И у него получится её провести. И это будет первый закон, который у нас в Думе пройдёт не от Думы вопреки государю, а от Государя в согласии с Думой. Это начало того доверия между Вами и Думой, которое сейчас нет.

Государь долго молчал. Куропаткин рядом со мной не говорил, но смотрел на меня внимательно.

— Николай Иванович. Я Вас понял. Я скажу одну вещь. У меня к Столыпину остаётся предубеждение по части его репутации в правом крыле. Если я его назначаю, у меня правые меня ругают за «либерализм». Если я его не назначаю, у меня левые ругают за «упрямство». Я устал от этого.

— Государь. Я Вас понимаю. Но я Вам скажу одну фразу, которую Вы у меня раньше слышали. Лучше сделать что-то, чем не сделать ничего.

Государь чуть улыбнулся.

— Я Вашу фразу запомнил с февральского письма.

— Я её Вам повторяю.

Государь подошёл к окну. Постоял минуту.

— Хорошо. Я Столыпина приму. Завтра. Если он мне в личной встрече покажет то, что Вы сейчас рассказали, я его назначу.

— Спасибо, Государь.

— Не за что.

Куропаткин слегка кашлянул.

— Государь. Если позволите. Я хотел бы добавить одну вещь.

— Прошу, Алексей Николаевич.

— Я Столыпина знаю по дворянской комиссии девятьсот третьего года. Он там сидел с покойным Сипягиным. Он выступал коротко, по существу, без всякой губернаторской пышности. У меня к нему тогда сложилось доверие. Я подтверждаю слова Николая Ивановича.

— Спасибо, Алексей Николаевич.

Государь кивнул. Подошёл ко мне ближе.

— Николай Иванович. И ещё одно. У меня к Вам отдельный вопрос. Я Вас прошу в обстановке Столыпинского вступления остаться в Петербурге и быть для меня тем, кем Вы у меня обыкновенно. Я Столыпина приму, но я ему не доверяю в той мере, в какой доверяю Вам. Я хочу, чтобы у меня рядом со Столыпиным были Вы.

— Останусь, Государь.

— Спасибо.

Мы пожали руки. Я ушёл.

В обратном поезде я долго думал.

Столыпин у меня в плане сегодня появился неожиданно. Я его в моей хабаровской работе держал «на обочине»: я о нём знал, я к нему относился осторожно, но я его в свой петербургский расклад до этого утра не вставлял. У меня в моей памяти Столыпин был человеком, который придёт к власти после первой Думы, разгонит вторую, проведёт военно-полевые суды, проведёт реформу через указ номер девять, и будет убит в Киеве в одиннадцатом году. Я его в этой жизни избегал, потому что я не хотел, чтобы у нас в России повторился столыпинский режим.

Но сегодня в Александровском дворце мне его пришлось выдвинуть.

Я это сделал, потому что у меня альтернативы не было. Коковцов был обыкновенный финансист, неспособный говорить с Думой. Извольский был обыкновенный дипломат, неспособный думать о крестьянстве. Из других возможных кандидатов у меня в голове перебиралось ещё человека четыре, и ни один из них не подходил. Столыпин подходил.

И я в обратном поезде понял ещё одну вещь.

У меня в моей памяти Столыпин стал тем, чем он стал, потому что его поставили в невыносимое положение. Государь его поставил в условиях, при которых ему пришлось одновременно проводить реформу против воли правых, разгонять Думу против воли левых, и держать государственный порядок без поддержки ни с одной стороны. Любой человек в таком положении ожесточился бы. Любой стал бы тем, кем стал Столыпин.

В этой жизни у меня есть возможность поставить Столыпина в обстановку другую. У него у меня будет Дума, которая частично его поддержит. У него у меня будет государь, который частично будет его держать. У него у меня будет Витте в Государственном совете, который будет его прикрывать с финансовой стороны. У него у меня буду я, который при случае его поправит. И у него не будет той изоляции, в которой он у меня в моей памяти ожесточался.

Это значит, что Столыпин у меня в этой жизни может быть другим Столыпиным.

Я в обратном поезде записал в маленьком дорожном блокноте короткую строку:

«Шестнадцатое мая. Столыпин посажен. У меня в плане ещё одна неожиданная фигура. С ней мне предстоит работать. Я к этому не готовился, но я работать буду».

Закрыл блокнот.

И заснул на полчаса под мерный стук колёс.

Столыпин приехал в Петербург восемнадцатого мая.

Я его впервые увидел в кабинете Куропаткина в военном министерстве, куда он зашёл на следующий день после аудиенции у государя. Государь его принял утром, и аудиенция длилась два часа, что было редкостью; и государь его утвердил в должности председателя Совета министров и одновременно министра внутренних дел. Этот двойной пост был для меня неожиданным, я думал, что государь даст только премьерство; но у государя сложилось, видимо, на встрече впечатление, что человек крупный, и он его сразу нагрузил полностью.

Столыпин был высокий, худой, с очень прямой спиной, в чёрном сюртуке. Лет сорока четырёх. Лицо узкое, костистое, с тёмными усами и небольшой бородкой, тоже тёмной, без седины. Глаза серые, внимательные, с лёгкой холодностью. В нём было то, что в моей советской памяти на портретах его не было видно: барская осанка, не наследственная аристократическая, а выработанная самим. Он держался прямо.

Куропаткин нас познакомил.

— Пётр Аркадьевич, разрешите представить: генерал-лейтенант Гродеков, приамурский генерал-губернатор, в Петербурге по приглашению государя.

— Очень рад. Я о Вас много слышал.

— И я о Вас много слышал, Пётр Аркадьевич.

Мы пожали руки. У него рука была сухая, твёрдая, без пожатия, по-деловому.

Куропаткин предложил нам сесть. На столе стоял самовар. Куропаткин остался стоять у окна, не вмешиваясь.

— Николай Иванович. Государь мне сказал, что Вы у него вчера обо мне говорили. Я Вам за это благодарен.

— Не за что, Пётр Аркадьевич. Я говорил то, что думал.

— И что Вы думали?

— Я думал, что у Вас в Саратове есть готовая программа крестьянской реформы, и что эта программа отвечает на тот вопрос, на который сейчас Дума отвечает иначе. Я считал и считаю, что у Вас в Петербурге появилась возможность эту программу провести.

Столыпин посмотрел на меня внимательно.

— Николай Иванович. Я Вас сейчас спрошу прямо. Вы кадетов любите?

— Не люблю.

— Социал-демократов?

Я подумал. Подержал паузу.

— Уважаю.

Столыпин чуть улыбнулся. Не радостно, а отметив.

— А кого Вы любите?

— Пётр Аркадьевич. Я люблю Россию. И я люблю простых русских людей, которые в этой России живут. У меня в крае таких людей я видел много. Они работают, рожают детей, хоронят стариков, ходят в церковь, иногда пьют. Я для этих людей служу. Кадеты и социал-

демократы тоже служат для них же, только с разных сторон. Я между ними не выбираю. Я выбираю то, что для этих людей полезно.

Столыпин долго смотрел на меня.

— Николай Иванович. У меня к Вам последний вопрос на сегодня.

— Слушаю.

— Если у меня в Думе пойдёт жёсткая работа, и мне придётся принимать решения, которые Вам покажутся резкими, Вы будете против?

— Пётр Аркадьевич. Я Вам отвечу прямо. Если Ваши решения будут резкими по форме, но разумными по существу, я Вас буду поддерживать. Если они будут резкими и по форме, и по существу, я Вам буду возражать. У меня к Вам в этом отношении одна простая просьба: советуйтесь со мной до решения, а не после. До решения я Вам товарищ. После решения я Вам трудный собеседник.

Столыпин подумал. Кивнул.

— Принимаю. Я с Вами буду советоваться.

— Спасибо.

Мы выпили чая. Куропаткин у окна молча кивнул в знак согласия. Минут через двадцать Столыпин встал, пожал нам руки, ушёл.

Я с Куропаткиным остался в кабинете.

— Алексей Николаевич. Что Вы думаете?

— Я думаю, Николай Иванович, что у Вас сегодня началась новая работа. У Вас в плане был Витте. Теперь у Вас в плане Столыпин.

— Это правда.

— И эта работа будет тяжелее предыдущей.

— Тоже правда.

Мы помолчали.

— Николай Иванович. Я Вам одну вещь скажу.

— Слушаю.

— Я Вас сегодня в этом кабинете впервые увидел в роли. У Вас прежде была роль приамурского генерал-губернатора, и Вы её играли хорошо. Сегодня у Вас другая роль. Вы у государя превратились в человека, к которому обращаются по крупному. Я Вам это говорю не для лести, а для предупреждения. У Вас в этой роли работа другая. У Вас в ней меньше места для собственных решений и больше места для аккомпанемента чужим решениям. Это, может быть, Вам не сразу понравится.

Я посмотрел на Куропаткина.

— Алексей Николаевич. Спасибо за предупреждение.

— Принимайте.

Мы пожали руки. Я ушёл.

В тот же вечер я в доме Витте поднялся к себе в кабинет. Сел за стол. Открыл тетрадь.

Записал короткой строкой:

«Восемнадцатое мая. Столыпин принят государем. Я с ним говорил. У него есть своя голова и своё представление о деле. Я с ним буду работать. У меня в Петербурге пошла новая работа. Я в ней по предупреждению Куропаткина буду аккомпанировать. Я к этому не привык».

Закрыв тетрадь.

Подошёл к окну. За окном был майский Петербург, длинный, светлый, в сумерках, какие в северных городах бывают только в эти недели. Над Невой висели чайки. На набережной у Зимнего стояла гуляющая публика.

Я подумал, что у меня сегодня в Петербурге пошёл второй месяц. У меня впереди ещё двадцать пять дней до конца мая. После них июнь с думской работой при Столыпине. Потом июль и август. В августе у меня съезд социал-демократов в Финляндии, к которому Гольдман

обещал мне устроить личную встречу с Лениным. До этой встречи у меня будет три летних месяца петербургского аккомпанемента.

Я к этому был не готов. У меня в моей хабаровской привычке работа всегда была самостоятельная. Я там был старший, и у меня обыкновенно решения принимались мной. В Петербурге у меня старший не я. У меня старший государь. У меня рядом Столыпин со своей собственной программой. У меня в Думе кадеты и социал-демократы, с которыми у меня свои сложности. У меня дома у меня Витте, который через два-три месяца переселится в свой подмосковный дом и оставит меня в его доме одного.

Я в этом непривычном положении должен провести два года. По расчёту. Два года, в которые у меня не будет крупных моих собственных шагов. У меня будут только шаги аккомпанемента. И в этих шагах мне нужно будет не сорваться, не сделать резких движений, не настоять на своём против Столыпина, не настоять на своём против государя. У меня сейчас задача выдержки.

Это меня не пугало. Это меня настораживало.

Я закрыл окно. Сел в кресло у камина. Артемий принёс самовар.

— Артемий.

— Ваше высокопревосходительство.

— Ты в Петербурге обживаешься?

— Обживаюсь.

— Как тут с пищей?

— Тут с пищей по-городскому. Я у кухарки Виттевской научился пироги с капустой делать на хабаровский лад. Она у меня просит рецепт.

Я улыбнулся.

— Хороший Ты человек, Артемий.

— Я-то обыкновенный, ваше высокопревосходительство.

— Обыкновенный. Это и есть, что хорошее.

Артемий поклонился. Ушёл.

Я остался один. Сидел у камина, смотрел в огонь.

Думал о том, что у меня впереди новая жизнь. У меня в этой жизни нет той свободы хабаровского хозяина. У меня в этой жизни есть работа петербургского аккомпаниатора. У меня в этой работе много терпения и мало славы. Много мелочей и мало крупных дел. Мало личной собственной воли и много чужой.

Но у меня в ней есть одно, чего у меня в моей жизни до сих пор не было.

У меня в этой работе есть государь, у которого в шкафу лежат мои письма. У меня есть Витте, который мне обещал старшую дружбу до конца. У меня есть Куропаткин, который мне сегодня сказал «принимайте». У меня есть Гольдман и Северцов и Кречетов и Селиванов в Хабаровске, которые меня не оставят. У меня есть Кондратенко в Думе, который мне товарищ. У меня есть Артемий с пирогами на хабаровский лад. У меня есть один молодой грузин в Закавказье, о котором я сегодня ещё ничего не знаю, но к которому у меня дорога ляжет.

У меня в этой жизни много людей.

Это и есть, что хорошее.

С этой мыслью я заснул в кресле, не успев лечь в постель. Артемий через час пришёл, накрыл меня пледом, погасил свечу и тихо ушёл.

В кабинете тикали стенные часы. За окном падал последний майский северный сумерек. Так начался у меня третий том моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.